

кто-нибудь вздумал безусловно сравнивать это произведение с Дантовой поэмой; но нельзя отрицать того, что в отношении поэтическом оно заменяло для русской массы то, что итальянцам для своего народа дал Дант в своей поэме. Благодаря своим поэтическим достоинствам „Хождение“ было особенно распространено в древней Руси; оно имело влияние на народную поэзию как русскую, так и других славян.¹⁷ Здесь же автор указывает на духовные народные стихи из сборников Киреевского, Варенцова и Бессонова, в которых влияние апокрифа выразилось наиболее сильно.¹⁸ О популярности «Хождения» говорил в свое время и Пыпин в упомянутой статье «Отечественных записок»: «Хождение богородицы», вообще апокрифы о конце мира, загробной жизни, страшном суде и антихристе были излюбленным народным чтением.¹⁹ Это обстоятельство подтверждается и поздними фольклорными записями подобного рода произведений — того же «Хождения богородицы по мукам».

Замечания о распространенности «Хождения» в древней Руси, близости этого апокрифа каким-то существенным моментам народного мирозерцания (о чем свидетельствует усвоение апокрифа народным стихом) имели для Достоевского серьезное значение: ведь в «Братьях Карамазовых», да и в других более ранних романах — «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах», «Подростке» — Достоевский стремился ориентироваться не просто на христианскую сумму идей, но на их народную адаптацию. Характерно, что поздний Достоевский (и в «Братьях Карамазовых» можно уследить даже определенную закономерность и последовательность в этом смысле) почти всегда предпочитает канонизированной христианской идее ее обмирщенный вариант.

Вернемся к «Великому инквизитору». Закончив свой пересказ «Хождения», а вместе с тем и свое «литературное предисловие», Иван говорит: «Ну вот и моя поэмка была бы в том же роде, если б явилась в то время» (9, 310). Таким образом, Иван ставит выдуманную им поэму в круг средневековых апокрифических повестей, «стихов» и сказаний. Его поэма и есть апокриф, «ложность» и «отреченность» которого одним обозначением жанра герой невольно, но сразу же указал, а автор в дальнейшем более детально аргументировал.

Какого же рода апокрифы соотносятся с поэмой «Великий инквизитор», уж если эта поэма стоит в их ряду? Тут же скажем, что это не «Хождение богородицы по мукам», которое в данной связи есть только знак жанра собственного произведения Ивана.

Содержание поэмы Ивана определяет круг соотносящихся с ней апокрифов довольно четко — это апокрифы о конце мира и явлении антихриста.

Характерно, что одна из редакций апокрифа «Прение господне с дьяволом», опубликованная Н. Тихонравовым во II томе «Памятников отреченной русской литературы», начинается с трех искусовых вопросов Христу в пустыне (вопросов, имеющих чрезвычайное значение в «Великом инквизиторе»), а кончается пророчеством о последних днях и судьбах мира: «И озрѣвша диявол... и рече: „Господи! а се что! не погуби меня“. И рече господь: „Не погублю тя, дияволе! но еще тебѣ даю царствовать на земли 3 лѣта, но на конец вѣка“».²⁰

¹⁷ В. Сахаров. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879, стр. 198.

¹⁸ О списках «Хождения» на Западе см.: там же, стр. 193.

¹⁹ А. Н. Пыпин. Древняя русская литература..., стр. 353.

²⁰ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 288; см. также стр. 284—285. Ср.: Слово о Иисусе Христе. — В кн. Памятники старинной русской литературы..., вып. 3, стр. 87.